

ПРЯЛКА И ЧАЙНЫЙ СТОЛ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

С.А. КОРОТКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

e-mail: korotkova_s_a@mail.ru

В статье анализируется участие женщин в движении против импортных товаров в североамериканских колониях Великобритании в предреволюционное десятилетие (1765 – 1775). Успех бойкота зависел коренным образом от женского участия, поскольку именно женщины отвечали за покупки для своих семей. Стратегия бойкота политизировала традиционную домашнюю сферу, превратив женщин в патриотов своей страны.

Ключевые слова: американская революция, женский патриотизм, бойкот импортных товаров, предреволюционная патриотическая поэзия, «Дочери Свободы».

Ускоренное развитие Англии в течение более полутора веков после «славной революции» было обеспечено сложным комплексом социально-экономических преобразований. К середине XVIII в. ни одна страна Европы не могла соперничать с Великобританией в уровне развития и разнообразии отраслей промышленного производства¹. Не последнюю роль среди факторов, способствовавших прогрессу, сыграли отношения с колониями, размер которых Англия постоянно расширяла, в том числе на североамериканском континенте, сталкиваясь здесь с Францией.

В результате англо–франко–индейской войны в Северной Америке (1756–65 гг.) у английской казны образовался большой долг. Правительство во главе с канцлером казначейства Джорджем Гренвиллем² решило, что будет справедливо, если колонии заплатят свою долю. С этой целью парламентом были приняты Сахарный (1764), Денежный (1764), Квартирный (1765), Гербовый (1765) и другие акты для колоний. Гербовый сбор был первым прямым налогом, введенным английским парламентом в колониях. Законы вызвали бурный массовый протест под лозунгом, произнесенным Джеймсом Отисом: «Нет налогам без представительства». Колонии заключили между собой «Соглашение об отказе от импорта» и объявили бойкот значительному числу английских товаров. Одновременно во многих городах возникли тайные общества (среди них «Сыны Свободы»), которые сурово следили за соблюдением бойкота.

Движение против импортных товаров оказалось очень действенным способом борьбы против законов метрополии. Но бойкоты не могли быть успешными без поддержки широких масс колонистов, в особенности женщин. «Патриотизм женского пола, – написала Абилайль Адамс (жена будущего второго президента США), – наиболее бескорыстная из добродетелей. Лишенные прав, доступа к официальным постам, мы не можем быть связаны с действиями правительства и занять почетное место в них. Мы лишены права голоса, вынуждены подчиняться навязанным нам законам, разве этого недостаточно, чтобы мы сделались безразличными к общественному благу? Но вся история в целом, и каждый век в отдельности демонстрируют высокие примеры патриотизма женщин, которые в описанных условиях равны героизму»³.

В американских исследованиях по истории женщин очень распространены такие точки зрения: «поскольку именно женщины в первую очередь отвечали за еду

¹ Так, в текстильной промышленности было 7 отраслей: тонкие и грубые сукна, сукна двойной ширины, шелк, креп, полуперсть, одеяла.

² Джордж Гренвилль занимал этот пост с 16.04.1763 г. по 16.07.1765 г.

³ Adams family correspondence / Ed. by L. H. Butterfield and Marc Friedlaender. Vol. IV. Cambridge, 1963. P. 328.

и питье на столе, то бойкот стал исключительно женским проявлением патриотизма»; «...когда появился призыв к бойкоту, женщины стали решающими участниками организованной оппозиции»; «...как семейные покупательницы, женщины были ключевыми участниками игнорирования английских товаров»⁴.

С осени 1765 г. антиимпортная кампания приобрела всеобщий характер⁵. Американки от Массачусетса до Южной Каролины собирались в патриотические сообщества (некоторые называли себя «Дочери свободы») и договаривались не покупать одежду и чай из Британии. Женщины превратили свои частные действия в общественные, подчеркивая их политическое значение. «Я не пила чай, начиная с последнего Рождества, не купила ни одного нового платья», – писала одна из них. «Я знаю, что за свободу можно погибнуть, но как раб я больше жить не могу»⁶.

Во многих городах Новой Англии они собирались на «прядельные посиделки», которые привлекали многих зрителей. Такая форма совместного труда не была чем-то новым, соседки и раньше совместно вязали или пряли, чтобы поговорить во время работы. Но теперь акции «прядущих пчел» приобрели другой характер и смысл – демонстративное изготовление нити для домотканой одежды. Питер Оливер в своей истории Американской революции написал: «Диссидентствующие священники взялись за работу ..., восхваляя это производство вместо Господа. Они благословили его, и женщины и дети в домах и вне их взялись за прялки и стали вращать их, как вызов Великобритании»⁷. 4 марта 1766 г. в Провиденсе (Род-Айленд) 18 «Дочерей свободы» «из благополучных семей» встретились в доме местного священника Эфраима Боуэна для совместного прядения, а затем обеда без употребления чая. Они заявили, что «Гербовый акт» является незаконным», что они не будут «покупать английскую ткань, пока он не будет отменен, и что «они с презрением относятся ко всем, кто его поддерживает»⁸. В Роули (Массачусетс) «встретились 33 почтенные леди города со своими прялками, чтобы провести прядельные соревнования в доме преподобного Джедиа Джевелла. За час до заката они вышли из дома в самодельных платьях, чтобы вместе пообедать. После этого мистер Джевелл в присутствии многих зрителей произнес проповедь на тему из «Послания к римлянам» (12:2) «Без лени с пламенным духом служить Господу». 44 жительницы Нортборо (Массачусетс) сделали за день «2223 мотка льняной кудели и нити, одну простыню и два полотенца, которые отдали священнику, в чьем доме собрались. Он произнес для них проповедь на тему из «Исхода» (35:25) «И все женщины, мудрые сердцем, пряли своими руками и приносили пряжу...»⁹. Эти американки были солидарны с президентом и студентами первого набора колледжа Род-Айленда (ныне Брауновский университет), которые ходили в домотканой одежде. В таком же виде пришел на получение дипломов один из выпускных классов Гарварда¹⁰. Часть «прядущих пчел» относилась к этой работе как к благотворительной деятельности в пользу бедных, больных и вдов, для кого бойкот был особенно тяжел.

В 1766 г. гербовый сбор был отменен, а таможенные законы смягчены. Но при этом колонии получили «политическую пощечину» в виде «Разъяснительного акта», закреплявшего за британским правительством полномочия устанавливать в колониях законы «во всех случаях». Уже в следующем 1767 г. английский парламент при-

⁴ De Pauw L.G., McCurdy M. *Founding mothers: women in America in the Revolutionary era*. Boston, 1975. P. 156; Berkin C. *Revolutionary mothers: women in the struggle for America's independence*. N.Y., 2005. P. 13-14; Roberts C. *Founding mothers: the women who raised our nation*. N. Y., 2005. P. 38.

⁵ Schlesinger, Arthur M. *The colonial merchants and the American revolution, 1763-1779*. N.Y., 1957. P. 65.

⁶ Opdycke S. *The Routledge historical atlas of women in America*. New York, 2000. P. 26.

⁷ Peter's Oliver *Origin and Progress of American Revolution: A Tory View*. San Marino (CA), 1963. P. 63-64. (П. Оливер – современник и очевидец событий, занимавший пробританскую позицию).

⁸ *Providence Gazette*, March 12, 1766.

⁹ Earle A.M. *Home life in colonial days*. Charleston, 2007. P. 183-184.

¹⁰ Lucey D.M. *I dwell in possibility: women build a nation, 1600-1920*. Washington, D.C., 2001. P. 59.

нял законы Тауншенда¹¹, определившие налоговые ставки на стекло, свинец, краску, бумагу, чай и др. товары (среди них - полотно, шелк, пр.).

Чайная история в Англии начинается с 1662 г., когда купцы Ост-Индской компании преподнесли Карлу II два фунта «листа» на его свадьбу. Один из членов компании Томас Гарравей активно рекламировал чай как лекарственное средство, чем очень заинтересовал аристократические слои в стране. Для народа этот напиток стал доступен в кофейнях, которых только в Лондоне к началу XVIII в. было около 500. Сначала чай привозили в Англию в основном голландцы. В 1669 г. английская Ост-Индская компания потеснила одноименную нидерландскую и добилась возможности импортировать чай из Гуанчжоу. В 1698 г. парламент предоставил ей монопольное право на импорт «листа» в Англию¹². В североамериканских колониях чай также был известен со второй половины XVII в., но его популярности мешала очень высокая цена (в 1720 г. в Филадельфии он продавался по 24 шиллинга за фунт¹³). В 1721 г. британский парламент попытался устранить иностранную конкуренцию в чайной торговле и принял закон, по которому этот товар можно было импортировать в колонии только из Великобритании, где его на аукционах продавала Ост-Индская компания. Другие компании покупали там «лист», везли в колонии и перепродавали его оптом купцам Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии и Чарльстона, откуда он расходился по континенту.

До 1767 г. Ост-Индская компания платила в казну налог около 25% от стоимости чая, ввозимого в Великобританию. Кроме этого был еще налог на розничную продажу, что приводило к высокой стоимости товара. В Голландии ввозная пошлина на чай не взималась, поэтому он там был намного дешевле, что очень привлекало контрабандистов из Британии и колоний. Купленный в Амстердаме чай по 2,2 шиллинга за фунт, продавался в Америке за 3 шиллинга, а такой же «законный» чай (со всеми налогами) стоил 4,1 шиллинга. В 1760-х гг. английская Ост-Индская компания теряла в год до 400 тысяч фунтов стерлингов из-за голландского контрабандного чая¹⁴. В 1767 г., желая положить конец нидерландской «конкуренции», английский парламент принял «Акт о возмещении», которым существенно понизил налог на чай для Англии, но оставил 25% налог от стоимости продукта, который перепродавался в колонии. Чтобы компенсировать потери для бюджета, британские законодатели по предложению Тауншенда ввели в колониях налоги на ряд импортных товаров.

Североамериканские владения Англии были обширным, быстро расширявшимся рынком для мануфактурных изделий¹⁵. В самих колониях текстильное производство было представлено в основном «домашним ремеслом» – домохозяйства производили шерсть и лен, которую хозяйки превращали в пряжу и нить. В начале XVIII в. около 50% домов имели прялки¹⁶, ко времени революции – 70%, ручные ткацкие станки были всего в 5-10% хозяйств¹⁷. Из части нити женщины вязали носки, перчатки, полотно, остальную продавали, покупая готовое полотно (для полноценной работы одной ткачихи нужна была нить от 10-12 прях). В год на одном станке обычно изготовлялось около 150 ярдов ткани (около 135 м), для чего требовалось около 200 часов рабочего времени. Из полотна каждая хозяйка самостоятельно шила одежду, белье, кухонные и постельные принадлежности для всей семьи. Лишь иногда более состоятельные семьи заказывали верхнюю одежду у портных или более опытных швей. Трудоемкость получения материи и изделий из нее была крайне велика, по-

¹¹ Чарльз Тауншенд был канцлером казначейства с 2.08.1766 по 4.09.1767 г.

¹² Потребление чая в Англии составило в 1701 г. ок. 30 т, 1781 г. – 2232 т, 1791 – 6854 т.

¹³ Peter Kalm's travels in North America, the America of 1750; the English version of 1770 / Ed. by Pehr Kalm, Adolph B Benson. N.Y., 1937. Vol. 2. P. 658.

¹⁴ Labaree B.W. The Boston Tea Party. Boston, 1979. P. 8-10, 59, 100.

¹⁵ В 1700-1701 гг. в колонии шло 10% английского экспорта, в 1772-1773 гг. – уже 37%.

¹⁶ Часто прялок в домах было две – маленькая для льна и большая – для шерсти.

¹⁷ Ulrich L.Th. Wheels, Looms and the Gender Division of Labor in Eighteenth-Century New England // William and Mary Quarterly, 3-d Ser. Vol. 55. N1. P. 9-11.

этому они очень ценились. Около 60% описей имущества в завещаниях XVIII в. в Массачусетсе называют одежду и постели следующими за землей и домом¹⁸. К середине XVIII в. ситуация изменилась, американцы стали покупать английские ткани – более дешевые и качественные. В 1768 г. из общего объема товаров на сумму около 2,2 млн ф. ст., легально ввезенных в колонии, шерстяная ткань составляла 19,7%, льняная – 15,9%, чай – 7,7%¹⁹. Накануне Войны за независимость 11 из 12 жителей провинции Нью-Йорк носили одежду из полотна, произведенного в метрополии²⁰.

Министр финансов, вводя новые налоги на ввозимые из метрополии товары, планировал пустить часть собранных таким образом средств на покрытие административных расходов, чтобы ликвидировать финансовую зависимость колониальной администрации от законодательных собраний колоний. Это решение вызвало взрыв возмущения американцев. Самюэль Адамс, член массачусетских «Сынов Свободы», в октябре 1767 г. призвал колонии возобновить отказ от импорта. Через шесть дней после объявления о «пошлинах Тауншенда» в бостонской газете появилось знаменитое стихотворение «Обращение к леди!», которое затем неоднократно перепечатавали другие издания:

Мои вы подруги и леди округи!
Примите от друга душевный привет!
Все меньше деньжонок, все жалче девчонок,
Давайте сойдемся на общий совет!
Заносчивый говор, пикантный ваш гонор
Отринем – и будем просты и мудры!
Одежда льняная, простушка родная –
Вот наш идеал этой трудной поры!
Пусть шепчут коварно – уввы, не шикарно...
Но вам и не надо рядиться в парчу!
Пусть носят другие шелка дорогие,
А вам, как богиням, виссон по плечу!
И злобное: «Да уж, не выйти вам замуж!» –
От тех, кто по лондонской моде одет...
Пустые наветы, мы знаем ответы:
Пусть наша промышленность крепнет везде!
Не ленты и рюши, а светлые души,
Поддержим в невзгодах родную страну!
Изменяется моды, и встанут заводы,
Любая сумеет нарядом блеснуть!
Красою сверкая, сердца зажигая,
Всех нас вдохновляете вы!²¹

В 1768-69 гг. все колонии, кроме Нью-Гемпшира, бойкотировали английские товары. Через собрания, встречи «в разговорных комнатах для женщин» в тавернах, газетные очерки, листовки американки призывали отказаться от импорта. Женщины Нью-Гемпшира приняли решение использовать на завтрак ржаной кофе вместо чая; группа жительниц Ньюпорта отказалась от «отвратительного бохи» (сорт китайского чая) в пользу «ароматного напитка» из листьев малины; единогласное решение бойкотировать импорт приняли многочисленные женские собрания в Бостоне, Итоне, Ипсвиче²².

В газетах появилась масса сообщений о проведенных «прядельных посиделках». В марте 1768 г. 10 женщин – «прядущих пчел» собрались в Дирфилде; в мае 25 женщин – в Ньюберипорте; в августе – 25 в Бифилде; в октябре – 60 в Роксбери; в но-

¹⁸ Mays D.A. Women in Early America. Santa Barbara (CA), 2004. P. 352, 395-396.

¹⁹ Mitchell B.R. Abstract of British Historical Statistic. Cambridge, 1971. P. 310.

²⁰ Miller J.Ch. Origins of the American revolution. London, 1985. P. 8.

²¹ The Boston Post-Boy and Advertiser. November 16, 1767.

²² Boston News Letters, November 26, 1767; Providence Gazette, January 16, 1768; New York Gazette and Weekly Mercury, October 23, 1769.

ябре – 45 в Чарльстоне. 66 – в Глочестере и Бостоне²³. В следующем году это движение приобрело еще больший размах. В колонии Коннектикут: в февраля – такую акцию провели 2 женщины в Лебаноне, в мае – несколько в Ист-Виндзоре, в ноябре – 13 в Помфрете; в колонии Род-Айленд: в апреле – 51 в Ньюпорте, в мае – 5 в Литл-Комптон, 33 – в Джеймстауне, 11 – в Норт-Кингстоне, 11 – в Ньюпорте, в сентябре – несколько женщин в Провиденсе; в колонии Нью-Гемпшир: в сентябре – 40 в Довере, в ноябре – 70 в Сомерсворте; в колонии Мэн: в октябре – 60 в Бервике, в ноябре – несколько женщин в Харпсуэлле; в колонии Массачусетс: в мае – 16 в Хантингтоне, 70 – в Ньютоне, 83 – в Милтоне, несколько женщин – в Брентри, в июне – 77 в Чебако, 3 – в Саусгемптоне, 60 – в Беверли, несколько женщин – в Дорчестере, 38 – в Уэнхеме, в июле – 33 в Роули, в августе – 13 в Лайнбруке, 45 – в Солсбери, в сентябре – 41 в Беверли, 97 – в Бриджуотере, в октябре – 44 в Этлборо, 136 – в Брентри²⁴. В 1770 г. были проведены «посиделки» в Массачусетсе: в январе 14 женщин собрались в Аксбридже, в феврале – несколько десятков, в мае – 45, в июне – 110, в декабре – несколько десятков женщин – в Бостоне²⁵.

В Глочестрере, Чебако, Лайнбруке, Ньюберипорте, Брентри и Роули после «посиделок» состоялись проповеди, в Брентри затем последовала еще и процессия по улицам, а в Роули – совместное со зрителями распевание гимнов. В Дорчестере и Брукфилде – «прядельные пчелы» расселись на лужайках возле домов священников, что привлекло к событиям дополнительное внимание²⁶. 26 апреля 1769 г. проповедник из Ньюпорта Эзра Стайлс записал в своем дневнике: «... прядельные соревнования в моем доме – 37 прялок; женщины принесли свою кудель и изготовили 94 мотка льняной нити (по 15 отрезков, связанных вместе в каждом)... В течение дня было около 600 зрителей». Следующий раз было «92 женщины, которые принесли 70 прялок; с рассвета... отдыхая и помогая друг другу, ... сделали 170 мотков»²⁷. «Essex Gazette» в мае 1769 г. сообщала о «Дочерях свободы», послуживших своей стране работой с 6 утра до 6 вечера». Одна из женщин в Брукфилде (Нью-Гемпшир), мать большого семейства, встав очень рано, «сделала домашние дела ..., затем проехала две мили верхом, привезла с собой прялку, просидела за ней с 9 утра до 7 вечера, изготовив 53 мотка нити, а затем уехала домой на вечернюю дойку»²⁸. На такие поступки поэты откликались патриотическими строками, вдохновлявшими женщин на продолжение борьбы:

Товар заморский не берешь
Ты, гордая душой!
Лишь свой, родной товар хорош!
Разумен выбор твой!
Трудись, любезная жена,
Плоды трудов раздай –
И люди скажут: вот она,
С любимой всюду рай!
Оденет всю свою семью,
Себя принарядит,
Трудом и добродетелью
Страну освободит!²⁹.

²³ New Hampshire Gazette, March 18, 1768; Boston Gazette, May 9, 1768; Boston Evening Post, October 10, 1768; Essex Gazette, August 16, November 15, 22, 1768.

²⁴ Essex Gazette, February 7; May 2, 30; June 6, 26; August 15, 22; September 5, 1769; New London Gazette, May 1; June 7; September 15; October 16, 1769; Boston Evening Post, May 22, 29; June 9, 12; July 3; September 4, 11; October 23, 30; November 6, 27, 1769; Providence Gazette, August 6, 1769.

²⁵ Boston Evening Post, January 22, February 26, May 21, June 11, December 24, 1770.

²⁶ Ulrich L.Th. «Daughters of Liberty». Religious Women in Revolutionary New England // Women in the age of the American Revolution / Ed. by R. Hoffman, P. J. Albert. Charlottesville, 1989. P. 219.

²⁷ The literary diary of Ezra Stiles. 3 Vols. Ed. by F.B. Dexter. N.Y., 1901. Vol. 1. P. 8-9, 50 (В его доме за 1769-1775 гг. состоялось 5 «посиделок»).

²⁸ Slavicek L.Ch. Women of the American Revolution. San Diego, 2003. P. 20.

²⁹ Boston Evening Post, September 11, 1769.

В июне 1769 г. 22-летняя Черити Кларк писала своим друзьям: «Если английский народ не даст нам свободы, о которой мы просим..., я попытаюсь собрать толпу женщин, вооруженных прялками (вместе с мужчинами), тех, кто научится ткать и содержать овец, и мы уйдем из-под деспотической силы, оденемся в самодельную одежду, будем питаться тем, что предлагает земля... Короче, мы создадим новую Аркадию!»³⁰. 13-летняя Анна Уинслоу записала в своем дневнике: «Если я (как мы говорим) Дочь Свободы, то я выбираю для одежды как можно больше наших тканей»³¹.

Во многих из газетных сообщений женщин называли «Дочери свободы», «дочери производства», «нимфы с благородными сердцами». 9 июня 1768 г. «Boston Evening Post» писала, что «работа и бережливость американок возвышает их в глазах всего общества и показывает, как много они вносят в решение политических проблем всего континента». На встрече в Бервике «пряжи, как настоящие Дочери свободы... устроили завтрак с ржаным кофе и обед без импортного чая, ... т.к. они сердечно любили свободу». Статьи о «пчелах» из Роксбери и Чебако, говорили о «великой ноше возвращения прав, собственности и привилегий, лежащих на женских плечах», из Харпсуэлла – «о женщинах, получивших свободы от Создателя и не любящих никаких тиранических ограничений».

За год в северных и центральных колониях импорт сократился в два раза, резко выросла контрабандная торговля, особенно через порты Филадельфии и Нью-Йорка. В 1768 г. цена на чай упала до 1,9 шиллинга за фунт, а из 2 млн. фунтов (более 900 тыс. кг), употребленных в колониях за год, более 90% были «незаконными»³². Среднегодовая стоимость приобретенных импортных товаров на душу населения в колониях составила: в 1701–10 гг. 0,92 ф. ст.; 1711–30 гг. – 0,86; 1731–50 гг. – 0,82–0,84; 1751–60 гг. – 1,14; 1761–70 гг. – 0,96³³. В апреле 1770 г. парламент уступил давлению и отменил все пошлины, кроме налога на чай. Поэтому колонисты продолжали покупать контрабандный «лист». Губернатор Массачусетса Томас Хатчисон, два сына которого были заняты в чайном бизнесе, написал 10 сентября 1771 г. из Бостона в Лондон: «...мы здесь видим, как голландцы зарабатывают на нас. Если чай не упадет в цене до весенней навигации, то голландцы заберут себе всю чайную торговлю»³⁴.

В 1772 г. истек срок действия «Закона о возмещении», были восстановлены пошлины на чай для Англии при сохранении налога на чай для колоний. Цена на него сразу возросла, что привело к накоплению на складах компании больших запасов нераспроданного «листа». К концу 1772 г. из-за этих и ряда других издержек Ост-Индская компания оказалась на грани банкротства. Лучшим рынком сбыта чая были сочтены колонии. В одном из писем в компанию сообщалось: «Эта страна в настоящее время стала объектом высочайшей важности. Она населена почти 3 миллионами человек, треть из которых, по самым умеренным оценкам, дважды в день пьют чай»³⁵.

Парламент, чтобы помочь фирме, в мае 1773 г. отменил налог на чай в Великобритании. Кроме того, Ост-Индская компания получила право ввозить его в Америку и продавать через собственных агентов, а не через аукционы. Устранение посредников позволяло сделать цену на товар ниже контрабандной. В июле компания выбрала агентов в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и Чарльстоне, которые получали бы груз и продавали его за комиссию. Но Чайный акт 1773 г. не отменял по-

³⁰ Moore H.W., Moore M.E. Moore family history, 1725–1981. Greenville (S.C.), 1982. P. 21.

³¹ Diary of Anna Green Winslow: a Boston school girl of 1771 / Ed. by A.M. Earle. Bedford, 1996. P. 32.

³² Humphrey L.H. Some thoughts on the China, Tea and Coffee in the American colonies during the colonial period // Muzzleloader Magazine. July-August, 1979. P. 36.

³³ Bureau of the Census. Historical statistics of the United States: colonial times to 1970. Washington: U.S. Dept. of Commerce, 1975. P. 1168, 1174 (При этом надо учитывать еще то, что население колоний за 1700–1770 гг. увеличилось в 8 раз).

³⁴ Drake, Francis S. Tea leaves. Being a collection of letters and documents relating to the shipment of tea to the American colonies in the year 1773 by the East India Tea Company. Detroit, 1970. P. 192–193.

³⁵ Ibid. P. 200.

шлину в 3 пенса с фунта. Канцлер казначейства Фредерик Норт³⁶ отказался отменить этот «налог Тауншенда». Во-первых, потому что эти доходы освобождали собственно английскую казну от расходов на жалование колониальных должностных лиц, а, во-вторых, он подтверждал британское право налогообложения колоний. Тем самым «упрямый лорд Норт невольно вбил последний гвоздь в гроб старой Британской империи»³⁷.

Даже с учетом этой пошлины Ост-Индская компания могла продавать чай по 2 шиллинга за фунт (в 1772 г. «законный» чай стоил в колониях 3 шиллинга за фунт), что было ниже контрабандной цены, равнявшейся 2,1 шиллинга. Но, купив этот чай, американцы согласно английским правилам, признали бы и узаконили право британских властей облагать их налогами и давать любой английской компании право монопольной торговли в Америке. Ост-Индская компания, понимая, насколько «пошлина Тауншенда» раздражает колонистов, попыталась скрыть ее за низкой ценой и коммерческими уловками. Однако все усилия оказались напрасными, т.к. Чайный акт наносил удар по американским купцам-перекупщикам и продавцам контрабандного чая³⁸, которые быстро разобрались в сути нововведений. В сентябре-октябре 1773 г. Ост-Индская компания отправила в колонии семь кораблей с чаем: 4 – в Бостон, по 1 – в Нью-Йорк, Филадельфию и Чарльстон. Они везли две тысячи ящиков стоимостью в 600 тысяч фунтов стерлингов. Американцы узнали подробности Чайного акта, когда корабли были уже в пути. Активная деятельность возникших корреспондентских комитетов привела к широкому антиимпортному движению и заставила агентов компании отказаться от груза в трех портах. Корабли с ящиками вернулись в Англию из Нью-Йорка, Филадельфии и Чарльстона. В Бостоне же губернатор убедил агентов (среди них два его сына) не отступать.

Самюэль Адамс и его сподвижники быстро собрали несколько больших митингов, которые призвали к неповиновению парламенту, компании и губернатору. Владельцы кораблей «Дартмут», «Элеанор» и «Бивер» согласились вернуть чай в Англию. Но Т. Хатчинсон приказал заблокировать гавань. На митинге 16 декабря 1773 г. была высказана идея уничтожения чая. Вечером 342 ящика, стоимостью 70 тысяч ф.ст. оказались в воде. Чтобы уладить конфликт крупный торговец из Нью-Йорка Роберт Мюррей, находившийся в Лондоне, с тремя коллегами пришел к Норту и предложил возместить потерю, но их предложение было отвергнуто. Министр финансов заявил: «Какие бы ни были последствия, мы должны наказать их, иначе – все кончено!». Были введены четыре «Невыносимых закона» Нортона, имевшие в итоге печальный результат для метрополии.

Предложение комитета связи Массачусетса совсем прекратить торговлю с Англией было поддержано другими колониями. Первый Континентальный конгресс в «Декларации прав и жалоб» выразил протест против таможенной и налоговой политики метрополии и принял решение о запрете торговли с Великобританией. В 1775 г. импорт в колонии сократился по сравнению с 1774 г. на 97%³⁹.

В конце 1760-х гг. южнокаролинский патриот Кристофер Гадсден размышлял над эффективностью сопротивления Англии: «Сейчас я подошел к тому, о чем многие говорят и думают как о самой большой трудности, с которой мы сталкиваемся – убедить наших жен помочь нам, без чего успех невозможен. ...Наше политическое спасение в этот кризис всецело зависит от строжайшей экономии, которую смогут соблюдать женщины, ибо они лучшие экономисты в мире. Позвольте мужьям сказать им о такой необходимости, убедить их спасти себя, детей и мужей от нужды, рабства и позора, и привязанности женщин вступят сотрудничество с их разумом.

³⁶ Фредерик Норт занимал этот пост с 11.09.1767 г. по 27.03.1782 г.

³⁷ Labaree B.W. Op. cit. P. 72.

³⁸ Ежегодно в этот период в колониях продавалось чая на сумму около 300 тысяч фунтов стерлингов, и почти весь он был контрабандным.

³⁹ Schlesinger, Arthur M. Op.cit. P. 535.

Как только это произойдет, наша проблема решится. Женщины будут так непоколебимы в этом вопросе, как даже самые пылкие из нас не могут и пожелать»⁴⁰.

В 1768 г. в филаделфийской газете было напечатано стихотворение Анны Гриффитс, которое демонстрировало явное раздражение женщин отсутствием у торговцев-мужчин решительности в отказе от импортных товаров:

Насупили брови, притихли мужчины,
Мы знаем, что в «Сахарном акте» причины,
Умолкли и сникли – безгласно и праздно,
Лишились свободы и прав безобразно!
А ранее звались Сынами Свободы
И строили планы на долгие годы!
Увы, наступила пора Дочерей
Возвыситься смело, решиться скорей
Свое несогласие выразить прямо –
Со злом не смиримся и будем упрямы!
Товары подвозят, на складах аврал –
Но нет покупательниц – это финал!
Наш твердый отказ от заморских «даров»
Для Гренвилля грянул понятнее слов!
Узрел он, что между Свободой и чаем
Мы только Свободу всегда выбираем!
Пусть чайный в жару восхитителен вкус,
Но мы патриотки – отвергнем искус!
Лесные уголья душисты, щедры,
На стол выставляем лесные дары!
Одежд домотканых неярк наряд,
Нам это обидно, но все говорят:
Изложим в петициях твердый отказ
От сделок, жестоко унизивших нас!
Пусть будет красителем ягодный сок –
Потерпим, недолог терпения срок!
Британскому доктору ставим прививку,
Мечтал он заштопать бюджетную дырку
В британской, войной разоренной казне!
Мы козни его разгадали вполне!
Для наших ли денег чужие карманы?
Обрушим и Норта коварные планы –
Разящей сатиры вонзаем перо –
И тем сохраняем мы наше добро!
Нам трусы кричали: «Молчите, беда!»
Теперь покрываются краской стыда!
Мужчины, вы вспомнить о чести должны,
Носившие имя – Свободы сыны!⁴¹.

Если кто-то из купцов нарушал антиимпортное соглашение, то рядом с его магазином появлялись подобные листовки: «Желательно Сыновьям и Дочерям Свободы ничего не покупать у Уильяма Джексона». Иногда женщины собирались рядом с такими магазинами и публично позорили торговцев⁴². В Салеме купец Джеймс Баулер тайно привез для своей семьи контрабандный чай, но соседки узнали об этом, явились к нему в дом и уничтожили коробки⁴³.

Во время борьбы против гербовых марок возникло много патриотических женских групп по 50-70 человек, в следующие годы создавались «Античайные лиги». Все они активно участвовали в бойкотах, поощряя друг друга к отказу от чая, придумывая оригинальные составы «чаев свободы», на которые даже возникла

⁴⁰ The writings of Christopher Gadsden, 1746-1805 / Ed. by R. Walsh. Columbia, 1966. P. 83.

⁴¹ Стихи в газете появились анонимно. The Pennsylvania Gazette. September 1, 1768.

⁴² Roberts C. Founding mothers: the women who raised our nation. N.Y., 2005. P. 38, 40.

⁴³ Commonwealth history of Massachusetts / Ed. by A. B. Hart. N.Y., 1929. Vol. 3. P.320.

своеобразная мода. Как замену заварке они использовали листья сассафраса, вербейника, шалфея, земляники, малины, смородины, березы. Смесь, сделанная из кустарника с красным корнем, была известна как «Лабрадорский чай». В стихотворении «Обращение к леди» были такие строки:

Мы можем без чая прожить, не скучая!
 Налоги грабительские не плати!
 Доставят нам скоро чаи Лабрадора.
 Утешатся те, кто о чае грустит!
 О, милые леди, твержу о победе
 Ума, доброты и любви!⁴⁴.

В 1769 г. в Салеме больная женщина публично отказалась от чая, хотя на больных бойкот не распространялся. В том же году в Вильямстауне демонстративно отказались от чаепития Абигайль Дуайт⁴⁵ и все ее подруги, а ее дочь Памелла не поддержала и новую моду на кофе, предпочитая «чай свободы» во время официальных визитов⁴⁶. В июле 1769 г. «Virgin Gazette» написала о том, что «ассоциации женщин встречают величайшее одобрение их действий в каждом графстве»⁴⁷. В колониях стал широко известен поступок 9-летней Сьюзен Будинот. Ее отец взял ее с собой на прием к губернатору Нью-Джерси Уильяму Франклину. Девочке предложили чашку чая, она взяла ее, сделала реверанс в благодарность, поднесла к губам, а затем выплеснула содержимое за окно⁴⁸. В декабре 1769 г. в Вильямсбурге женщины появились на губернаторском балу «в простых домотканых платьях, оставив дома импортные шелка и парчу»⁴⁹.

31 января 1770 г. 412 женщин Бостона подписали соглашение о присоединении «к большинству купцов и других горожан, которые собирались в Фенел-Холле и приняли решение отказаться от импорта». 300 из них принадлежало к очень известным и влиятельным семьям города. «Мы с готовностью пошли на это», - было написано в их заявлении, - т.к. мы уверены, что напряженная ситуация в нашей стране требует такого шага. Мы хотим спасти свою оскорбленную страну от разрушения и порабощения». Через три дня к ним присоединились 126 юных жительниц города. Они поставили свои подписи под следующим документом: «Мы, дочери тех патриотов, которые выступают в защиту общественных интересов и уже этим заслужили уважение будущих поколений. В этом мы с желанием их поддерживаем, призывая вместе с ними отказаться от импортных товаров в надежде расстроить планы тех, кто намеревается отнять у целого народа то, что для него ценно»⁵⁰.

Чайный акт 1773 г. только усилил противостояние. После «бостонского чаепития» Джону Адамсу очень хотелось увековечить это революционное событие в стихах. Не обладая поэтическим даром, он попросил об этом подругу своей жены Мерси Отис Уоррен⁵¹, подсказав ей идею аллегорической поэмы. В ней жены Нептуна – завистливая Амфитрита и прекрасная Салация – спорят о достоинствах разных сортов чая. Переодетые бостонцы помогают богиням разрешить спор:

С ложа поднялся Нептун, и трезубцем качая,
 Бог изумляется дивному запаху чая!
 Жезл простирая в речные текучие воды,
 Он призывает божеств пресноводной природы!
 Трубные зовы Тритона достигли глубин –

⁴⁴ The Boston Post-Boy and Advertiser. November 16, 1767.

⁴⁵ Дочь Эфраима Уильямса (основателя колледжа Уильямса) и жена бригадного генерала Джозефа Дуайта.

⁴⁶ Grandmother Tyler's book: the recollections of Mary Palmer Tyler, 1775-1866 / Ed. by F. Tupper and H.T. Brown. N. Y., 1925. P. 236-237.

⁴⁷ The Virgin Gazette, July 6, 1769.

⁴⁸ Elias Boudinot's journey to Boston / Ed. by M. H. Thomas. Princeton, 1955. P. II.

⁴⁹ Roberts C. Op. cit. P. 39.

⁵⁰ Boston Evening Post. February 12, 1770.

⁵¹ См.: Короткова С.А. Мерси Отис Уоррен // Американский ежегодник, 2004. М., 2006. С. 68-89.

Из океана явились богини пучин...
 Что ж обсуждает божественный дивный синклит?
 Что восхищенным богиням Нептун говорит?
 Он возгласил: аромата волну ощущая,
 Все наслаются глотком бесподобного чая!
 Хлынет нектар от насыпанной в воды заварки –
 Племя индейцев приносит такие подарки!
 Льется амброзия, в дружеских кубках искрится,
 Это не берег Скамандра, не дай ему Бог повториться!
 Нимфы морские ликуют на пиршестве славном...
 Встали титаны в единстве своем богоравном,
 И зашагали они побережьем Колумба,
 Пышно и ярко цветущим, как осенью клумба!
 В спорах богинь порассыпались кудри златые,
 Дивными лаврами сказочно перевитые.
 Хайсон, сушонг да заварка имперская – вы ли
 Всех успокоили, сладили, всех примирили?
 О, победители, воины, ваше индейское племя
 Верило ли, что придет благодатное время?
 Гнет тирании терпели мучительно сами,
 А добродетели не было под небесами –
 Ложь и продажность под шелковыми парусами,
 Скупость и жадность с горящими алчно глазами!
 Роскошь враждою засеяла мир первородный!
 О, полубоги, в решеньях вольны и свободны,
 Помощь Салации мощной рукой направляя,
 Вы заварили моря драгоценного чая!
 Западный бриз восхищенно струил ароматы,
 Боги воды были ими блаженно объаты –
 К яростной зависти царственной Амфитриты...
 Пой же, Салация, песню победную пой!
 Жертвы – тебе, победили мы только с тобой!
 Вызов бросая презренной и жалкой толпе
 Всех подхалимов Георга! И слава – тебе!⁵².

Мерси О. Уоррен, «один из наиболее влиятельных пропагандистов в Америке»⁵³, подписалась своим псевдонимом «Prudentia» (благоразумие, мудрость). Этим стихотворением она «организовала поэтическое соревнование» между женщинами, поддерживавшими бойкот. Стихи М. Уоррен часто появлялись в массачусетских газетах в 1770-х гг., а затем перепечатывались другими изданиями. Наиболее удачные поэтические строки публика начинала распевать на звучные мелодии. Ее подруга Абигайль Адамс назвала чай «сорной травой рабства» и прекратила его употребление в своей семье. Ее муж, Джон Адамс, описал в письме такой случай из его поездки в Мэн: «Проехав 35 миль, я остановился в таверне миссис Хастон. Как уставший путник я имел право подкрепиться чашкой чая, если он добыт «честной контрабандой». Но хозяйка отчитала меня, сказав, что они полностью отказались от чая и перешли на кофе. От чая придется отвыкнуть, и чем скорее, тем будет лучше для меня»⁵⁴.

Священники продолжали призывать американок к активным действиям. Уильям Теннет, проповедник из Южной Каролины, в августе 1774 г. обратился к женщинам своей колонии, прося их помочь спасти страну от «угрозы тирании», отказавшись от «тривиального чайного удовольствия». «Да, леди, в ваших руках сила, большая, чем все комитеты и конгрессы. Вы можете нанести удар, заставив холмы и

⁵² America through Women's Eyes / Ed. by M. R. Beard. N.Y., 1976. P. 57-58.

⁵³ Booth S.S. The women of '76. N.Y., 1973. P. 8; Kerber L.K. Women of the Republic: intellect and ideology in Revolutionary America. Chapel Hill, 1980. P. 39.

⁵⁴ The book of Abigail and John: selected letters of the Adams family, 1762-1784 / Ed. by L.H. Butterfield, M. Friedlaender and M. Kline. Cambridge, 1975. P.216.

равнины Америки аплодировать вам. Ваши действия убедят Британию, что патриотизмом охвачен даже прекрасный пол, который препятствует попыткам поработить нас. За покупку чая заплатят кровью ваши сыновья, но если вы не будете употреблять его, страна поднимется и назовет вас святыми»⁵⁵.

Газеты были полны сообщений об античайной активности женщин. «The Newport Mercury» писала: «Мы заверяем публику, что женщины нашего города, равные другим в своих добрых чувствах и воспитанности, на прошлой неделе приняли решение не использовать китайский чай в своих семьях, пока закон не будет отменен. Пример достойный подражания для любого в нашем городе и на континенте». Через несколько дней газета в Вирджинии сообщила: «Из письма из Бостона мы узнали, что дамы этого города, к их вечной славе, объединились в античайную ассоциацию. Они намерены послать похвалы всем женщинам на континенте, которые воздержатся от этой пагубной привычки, по крайней мере, до тех пор, пока Америку не освободят от парламентского налогообложения». Там же летом 1774 г. было напечатано обращение к «дорогим дамам» Вирджинии и Пенсильвании от их «сестер и согражданок» из Южной Каролины отказаться «от роскоши употребления чая»⁵⁶. В «Massachusetts Spy» появился такой призыв к женщинам:

Товар заморский не берешь,
Ты, гордая душой!
Лишь свой, родной чаек хорош!
Разумен выбор твой!⁵⁷.

Юная леди в 1774 г. опубликовала семь стихотворений, озаглавленных «Вирджиния, отвергающая чай». Одно из них гласило:

Долой! ...Горчайший гадкий чай,
Беду из ящика Пандоры!
О «хайсон», лгун, навек прощай,
Не то наш взор закроют шторы!
В Британию! – к золотым тельцам,
В юдоль продажных договоров,
Где Норту и его дельцам
По их делам воздастся скоро!⁵⁸.

В Филадельфии опубликовала свои новые стихи Анна Гриффитс, назвав чайный акт «серьезным промахом министра Норта»:

О нет, Свободу не забить в колодки!
Британской подлой мудрости – отказ!
Настало время жертвы, патриотки –
Прожить без чая – лучший путь сейчас!
Привычку бросив, мы не отступаем,
Прилежно следуя уменью жить!
Мы чайную наживку не глотаем!
Набобам чайным – нас не победить!
Всех маленькая жертва возвеличит,
Как римские матроны, мы тверды!
Прекрасная Корнелия нас кличет –
Откажемся от чайной суеты!⁵⁹.

В «Virginia Gazette» появилось стихотворение «Женское «Прощай!» чайному столу», позже растиражированное по многим колониальным изданиям:

Чайный столик – прощай! ...Со своим антуражем
В виде чашек и блюдец, розеток, щипцов...
Даже новую чайницу мы не покажем

⁵⁵ The South Carolina Gazette. August 2, 1774.

⁵⁶ The Newport Mercury. December 20, 1773; The Virginia Gazette. December 23, 1773; June 16, 1774.

⁵⁷ The Massachusetts Spy. November 3, 1774.

⁵⁸ Williams S.R. Demeter's Daughters: the Women who founded America, 1587-1787. N.Y., 1976. P.228 (Хайсон – сорт китайского чая).

⁵⁹ Kerber L.K. Op. cit. P.38.

С лучшим чаем китайским – отменных сортов!
 О мгновения счастья за столиком этим –
 Под невинные сплетни, девиц болтовню...
 Иногда и хлыща молодого заметим:
 Я ему подмигну, но потом приструню!
 О любимый ликер, о пикантные шутки!
 Только видится мне все ясней и ясней:
 Чайный столик – разбойник, коварный и жуткий,
 И бряцанье цепей над страну мою!
 Приходи! – призываю богиню Свободы –
 И господствуй в Америке долгие годы!⁶⁰

Наиболее известным политическим шагом стала Эдентонская декларация, принятая в поддержку решения Конгресса Северной Каролины (сентябрь 1774 г.) о бойкоте импортных товаров⁶¹. 25 октября 1774 г. 51 женщина из Эдентона, близлежащих городков и ферм собралась в доме Элизабет Кинг, назвав себя «Патриотической женской лигой». Лидером группы была Пенелопа Баркер⁶², написавшая текст заявления: «Так как мы не можем быть безразличны к событиям, которые разрушают мир и счастье нашей страны, то считаем необходимым для общего блага принять несколько исключительных решений нашим собранием депутатов от целой провинции. Это наш долг не только перед дорогими и близкими нам людьми, но и перед самими собой, которые чрезвычайно заинтересованы в благополучии, в том, чтобы сделать все, что в наших силах. Чтобы торжественно засвидетельствовать нашу искреннюю приверженность вышеизложенным проблемам, мы подписываем эту бумагу в знак твердых намерений и серьезного решения выполнить это». Далее после фразы - «Мы, леди из Эдентона, этим торжественно обязуемся отказаться от пагубной привычки чаепития» - шла 51 подпись.

Перед началом заседания Пенелопа произнесла речь: «Возможно, что до сих пор было известно только о мужчинах, протестующих против решений короля. Это означает только то, что мы слишком долго откладывали, чтобы наши голоса были тоже услышаны. Мы ставим свои подписи под документом, не прячась под чужой одеждой, как мужчины в Бостоне. Пусть британцы узнают, кто мы есть!». П. Баркер посчитала, что их заявление должно стать известно в Британии и отправила в английскую газету копию декларации⁶³.

Среди подписавших документ была Ханна Айределл – жена северокаролинского патриота Джеймса Айределла. Его кузен Артур, живший в Лондоне, описал ему в письме ироническую реакцию английского общества: «Я узнал из газеты, что эдентонские леди заявили о себе чайным протестом. ...Неужели женский конгресс и в Эдентоне? Я надеюсь, что нет! Мы, англичане, уже «напуганы» мужским конгрессом, но если еще и дамы..., которые со времен амазонок считаются нашими самыми «грозными» врагами, нападут на нас, последствия могут быть самыми пагубными! Леди так ловко владеют разящими стрелами, смертельными для нас, мужчин. Чем больше мы стараемся покорить их, тем больше покоряемся сами! Леди из Эдентона, я полагаю, воодушевленные победами своего пола, видимо, собираются разнести нас по кусочкам. Единственное, что спасет нашу страну от превращения в руины, это то, что в Америке всего несколько мест с такой женской «артиллерией», как в Эденто-

⁶⁰ The Virginia Gazette. January 20, 1774.

⁶¹ Этому событию в Эдентоне поставлен памятник – заварочный чайник на высоком постаменте.

⁶² Пенелопа Баркер (1728-1796) – после смертей первых двух мужей осталась богатейшей плантаторшей Северной Каролины. Третьим её мужем стал торговец Томас Баркер, ведший крупную торговлю с Англией. Во время его частых поездок в Великобританию, Пенелопа успешно управляла плантацией, бизнесом мужа и воспитывала 5 детей.

⁶³ Morning Chronicle and London Advertiser. January 16, 1775. Текст декларации сохранился только в этой газете.

не»⁶⁴. В Британии широко продавалась очень злая карикатура на этих женщин, названная «Эдентонское чаепитие».

Несмотря на такую презрительно-ироническую реакцию Англии скоро пришлось ощутить на себе последствия бойкота. «Да будет известно Британии», – написала М. Уоррен, – «что даже наши дочери стали политиками и патриотами и помогают успешной работе»⁶⁵.

Джемима Кондикт, 20-летняя квакерша, жившая на ферме около Ньюарка (графство Эссекс, Нью-Джерси) записала 5 октября 1774 г. в своем дневнике: «Кажется, пришли тревожные времена, большие беспорядки за границей нашей провинции. Говорят, что их вызвал чай. Но если они спорят из-за таких пустяковых вещей, то можно ожидать не что иное, как войну»⁶⁶. Во время начавшейся Войны за независимость в Чарльстоне один английский офицер заметил генералу Ч. Корнуоллису: «Мы, конечно, можем, истребить всех мужчин в Америке, но после этого нам придется приложить немало усилий, чтобы нанести поражение их женщинам»⁶⁷.

A DISTAFF AND TEA TABLE AS A POLITICAL WEAPONS

S. A. KOROTKOVA

*National Research University
«Higher School of Economics»,
Moscow*

e-mail: korotkova_s_a@mail.ru

The Revolution politicized many of household activities. Women were first drawn into the struggle as consumers, with male patriots urging them to participate in the movement to boycott British goods in the 1760s and 1770s. Colonial women became active participants – they devised «Liberty tea», took part in «spinning bees» activity, wore homespun clothes. Traditional domestic tasks came to be newly defined as patriotic activity.

Key words: American revolution, women's patriotism, non-importation movement, pre-revolutionary women's patriotic poetry, «Daughters of Liberty».

⁶⁴ The Papers of James Iredell / Ed. by D. Higginbotham. Raleigh, NC, 1976. Vol. I. P. 282-3.

⁶⁵ Lucey D.M. Op. cit. P. 53.

⁶⁶ Condict J. Her Book : being a Transcript of the Diary of an Essex County maid during the Revolutionary War. Newark, 1930. P.38.

⁶⁷ Williams S. R. Op. cit. P.225.